

его прозвучало — «AveRoma!». Слава Риму, спасающему своей строгой стройностью от вакхического мятежа, от оргийной мистики Востока. Или двусмысленная улыбка Вакха-Иоанна, открывшаяся Леонардо, показалась поэту кощунственно невыносимой?

Ныне, думается, он отверг зовы дельфийских ущелий, его пресытил и гиметский мед. От пафоса дионисийства он очищается в предгорьях новой Фиваиды. Западное христианство для поэта — катарсис, очищение от всякой скверны, возвращение из глубин вакхической ночи к сиянию полудня, к достолюбезной ясности, к вожделенной полноте. Настроения эти выражены в замечательных его римских сонетах; к сожалению, также еще не изданных. Отказавшись от Диониса, Вячеслав Иванов не отверг Аполлона (стихи: «И тел надменных свет, и дум Эвклидов строй» не знаменуют полного отстранения светозарного аполлонийского начала). Поэт не наложил на себя монашеского обета молчания, не в силах вырваться из рокового круга со- престольных братьев. Не сам ли Вячеслав Иванов поведал нам миф об Аполлоне Дельфийском, поразившем прадионисийского Пифона? Убийца исполнился пророческим духом своей жертвы.

1930

Достоевский и Вячеслав Иванов

<Фрагменты>

<...>

Более десяти лет Вячеслав Иванов живет в Италии. Последние годы он преподавал русскую литературу в Павийском университете и старые и новые языки в колледже Св. Карло Борромео. Сейчас живет в Риме. Ученик Владимира Соловьева, Иванов перешел в католичество. В римском соборе Св. Петра перед алтарем св. Вячеслава он прочел Символ Веры (одинаковый в обеих церквях, православной и католической) и формулу присоединения¹. В литературной жизни русской эмиграции участия не принимает².

<...>

В конце 1934 года к семидесятилетию Вячеслава Иванова в Милане вышел специальный номер журнала «Il Convegno»

№ 8–12), целиком ему посвященный. Для этого юбилейного выпуска Иванов перевел на итальянский главу из книги «Достоевский» (анализ «Преступления и наказания»), а также представил эссе «О духе современностей», письмо инициатору сборника Алессандро Пеллегрини о «doctaripietas», размышления о литературе («Спорады») и стихотворения в переводе самого автора, Ринальдо Кюфферле и Раисы Нальди. Здесь же помещен этюд Ф. Зелинского «Введение в творчество Вячеслава Иванова», а также статьи Эрнста Роберта Курциуса, французского философа Габриэля Марсея (о Достоевском в понимании Вяч. Иванова), профессора флорентийского университета Николая Оттокара, Ф. Степуна и других известных европейских литераторов и ученых. В сборнике содержатся также малоизвестные биографические сведения о поэте.

Это общеевропейское чествование Вячеслава Иванова является редчайшим и необычайным парадоксом в истории литературы. В предвоенной России Вяч. Иванов был признанным вождем символистов, царившим на самой высокой вершине русской мысли и культуры, оставаясь при этом почти вовсе неизвестным широкой читательской публике, которая и по имени-то его едва знала (в России, как и в эмиграции).

Я твердо уверен, настанет время, и его произведения вернутся в Россию, но произойдет это через посредство литературы европейской! Первая моя встреча «с одним из последних великих гуманистов Европы», как великолепно назвал Вячеслава Иванова французский литературовед дю Бос, произошла в Риме летом 1927 года. Я приехал из Дубровника, в намерении продолжить в Италии свои штудии Данте. Нас познакомил в кафе «Греко» профессор Евгений Васильевич Аничков, старый петербургский друг поэта.

Высокого роста, с длинными, тронутыми сединой светлыми волосами, с лицом, красноватым от римской малярии, Вячеслав Иванов производил сильное впечатление. Светло-серые, не очень большие глаза его пронизательно смотрели сквозь очки. Одет он был в длинное, черное, старинного покроя платье и носил черный, свободно повязанный галстук. Он походил на гейдельбергского профессора начала прошлого века. Но вопреки этому старинному облику, запечатленному на гравюре Ходовецкого, его речь и улыбка (точно такая же освещала лицо Юпитера на фреске виллы Фарнезина) лучились молодостью, вечной молодостью

великих художников. Казалось, будто с настенного медальона кафе «Греко» сошел Гёте, чтоб завершить начатый век назад разговор.

Вячеслав Иванов поселился неподалеку от площади Испании в небольшой квартире, которая помещалась на верхнем этаже мрачноватого, современной постройки дома. Это и была его римская «башня».

На римской «башне» долгими летними вечерами 1927 и 1928 годов мы вместе с Аничковым вели беседы о поэзии, религии, кризисе культуры, античной Греции и Средних веках.

Вячеслав Иванович жил очень уединенно. Он всецело покорился судьбе. Самой любимой его книгой была «О граде Божиим» св. Августина. Несмотря на упорные просьбы редакторов парижских эмигрантских журналов, так же, впрочем, как и своих оставшихся на родине доброжелателей, ни за что не хотел печатать на русском языке свои новые произведения. Постоянным же своим гостям охотно читал новые стихи и поэму «Человек» (о путях человечества к реинтеграции, к мистическому всечеловеку Адаму Кадмону). В некоторые из вечеров я должен был, по просьбе автора, изъяснять эту поэму «в четырех смыслах» по обычаю средневековых комментаторов-схоластиков. На рабочем столе поэта видел разбросанные листы немецкого перевода книги о Достоевском.

Через четыре года, возвращаясь из Парижа в Дубровник, я посетил в Дорнахе (близ Базеля) другого «культурного отшельника» наших дней — швейцарского поэта и драматурга Альберта Штеффена. Он показал мне книгу Иванова о Достоевском, которая произвела на него сильное впечатление, и спрашивал, не знаком ли я с автором этой удивительной книги.

<...>

Вячеслав Иванов, как и его учитель Владимир Соловьев, лелеял помысел о воссоздании единой вселенской христианской церкви, в которой соединились бы без взаимных претензий католическая и православная, единые по своей мистической сущности. Воинствующий антикатолицизм Достоевского ничуть не смущал Вячеслава Иванова; он вообще не придавал большого значения резким антикатолическим выпадам автора «Идиота» и «Великого инквизитора». С полной определенностью он заявляет, что сосредоточил свое внимание на том в творчестве Достоевского, что имеет непреходящее значение. По его мнению,

Достоевский, развивавший идею о России как о Третьем Риме (вторым был Царьград), неизбежно сужал вселенскую церковь до русской национальной. Тем не менее Иванову не кажется существенным расхождение самых сокровенных идей Достоевского и его теократического идеала (агиократии) с миссией католицизма.

Для нас также не столь важно, из чего исходит в своих представлениях Вячеслав Иванов: из католицизма и православия или гностической и «розенкрейцерской» мистики. Великий гуманист соединил в себе наследие культуры и религии от Египта и Эллады до наших дней. Если бы книга Вячеслава Иванова о Достоевском попала на индекс, мы бы не удивились — на индексе была и «Божественная Комедия»! Главное в том, что его понимание гениального русского писателя, его глубокая интуиция и тонкость суждений создали крупномасштабное произведение о Достоевском, которое по богатству идей представляет одну из вершин не только русской, но и современной европейской мысли.

1935

